

- Почему-то тоже не в пансионах благородных девиц выросшая элита многих стран, прежде считавшихся патологически отсталыми, за те же двадцать лет сделались то «азиатскими тиграми», то экономические чудеса у себя сотворили, так, что заваливают нас дешевыми компьютерами и автомобилями: ну разве не Маркс-Энгельс-Ленин, так их и так, виноваты?!

А то кто же! Сегодня редкий украшенный благородными сединами степенями-званиями – всякими там «академик АН СССР», «народный артист СССР», «Герой Социалистического Труда» и т.п. – не рассказывает истории про то, как его в детстве этим самым марксизмом-ленинизмом травили, рассудка лишали. Голливудские блокбастеры-ужастики и рядом не валялись.

Кровь в жилах стынет, волос дыбом. Одно утешает, господь спас, не попустил: абсолютно ничего он вымолвить не может из того, чем его, сердешного, уродовали, – «и одно только слово твердит «Лимпопо-Лимпопо» и молвит:

—Так-растак Маркс-Энгельс-Ленин!

Все облегчение...

А тут еще напасть - Дэн Браун со своим «Кодом Да Винчи», прости господи, приключился: чтоб ему, - в креста, Христа и деву Марию, - богохульник! Всех достал! Да слава всевышнему, вспомнили: не иначе, как Маркс его рукой водил! А уж голливудский сценарий они точно все вчетвером ваяли: Эк их, Карл Маркс-Фридрих Энгельс-Владимир Ильич Ленин-Дэн Браун, так его и так, и... Уффф!

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МИФОЛОГИИ ТЕРРОРА В ВАЖНЕЙШЕМ ИЗ ИСКУССТВ

В.С. Мартьянов

Мартьянов
Виктор Сергеевич

кандидат политических наук,
ученый секретарь Института
философии и права УрО РАН,
член-корреспондент МАДИ
E-mail: martianovy@rambler.ru

Борьба с экстремизмом выполняет две важнейшие функции. Во-первых, она обосновывает и проявляет на конкретных примерах «борьбы» моральность действующего государства, политического режима, социально-экономической системы и всех тех, кто действует от их имени. Во-вторых, она проводит основополагающие границы: нормального/патологического, легального/нелегального, закона/насилия, морального/аморального. То есть легитимирует действующий политический проект, одновременно позволяя методами монополии на классификацию политического поля выводить за его пределы все то, что угрожает его дальнейшему существованию. Рассмотрим, какие смыслы

закладываются официальным политическим дискурсом в кинопродукцию, посвященную производству смыслов в области теории и практики борьбы современных государств с террором.

Политическая символика в массовом искусстве.

Известно, что кино согласно Ленину «является важнейшим из искусств». Правда мало кто знает, что в контексте фразы звучало «в эпоху всеобщей безграмотности масс». В современном потребительском обществе, кино сохранило и упрочило свое символическое влияние на общество, что, наверное, такое обществе не красит. Тем более, что из визуальных и дискурсивных алгоритмов кино рождаются современные «электронные искусства», прежде всего, телевидение. Поэтому было бы ошибкой пройти мимо идеологических и символический функций современной фабрики грез, которая продолжает оказывать серьезное влияние на функционирующие в обществе потребления цели, ценности и смыслы. Мало кто знает, что

Голливуд в целом убыточен, однако зоной его идеологического влияния является весь мир, программируемый ценностями американского общества как «идеального». И символическое влияние Голливуда, пропаганда определенного образа жизни и сопутствующей ему мифологии окупается в виде позитивного образа США.

Не случайно голливудский фастфуд мгновенно отыгрывает и переинтерпретирует политические события и темы, где действия американцев фактически оказались провалены, в выгодном для США ключе. Будь то международный терроризм, природные катастрофы, войны США в Корее, Вьетнаме, Ираке. Например, наблюдательные зрители могли заметить, что в период холодной войны в антисоветской продукции Голливуда, в частности в сериале о Джемсе Бонде, русские злодеи часто имеют фамилии великих русских писателей – Пушкина, Гоголя, Толстого. Казалось бы разве мало русских фамилий!

Тем не менее, выбор не случаен, поскольку предполагает на уровне фамилий-символов русской культуры ее тотальное неприятие. Человек на Западе впервые берет в руки книгу Толстого, но ассоциативный ряд – с шаблонным злодеем, строящим некие глобальные замыслы. Книжка возвращается массовым читателем на полку. Естественно читать книгу, видеть, что русская культура тоньше, разнообразнее и глубже, чем единственно верные идеологические шаблоны американского масскульта уже мало кому захочется.

Рассмотрим на примере наиболее «интеллектуальных» и нешаблонных произведений как в массовом кино отыгрывается поле смыслов современного терроризма.

Политический террор - дурная бесконечность?

Сюжет фильма Стивена Спилберга «Мюнхен» (2006) основан на интерпретации реальных событий. Во время Олимпийских игр 1972 года в Мюнхене 11 израильских атлетов были убиты палестинской террористической группировкой «Черный Сентябрь». В ходе неудачной операции западногерманских спецслужб по освобождению израильских заложников-спорт-

сменов погибают и палестинские боевики. С целью возмездия израильское правительство организует группу агентов Моссада с заданием выследить и уничтожить предполагаемых организаторов и идеологов преступления.

Главный мейнстримовский режиссер Голливуда Спилберг взялся за актуальную политическую проблему современности – о природе терроризма, праве на отмщение и возможности установления всеобщей справедливости. Трагическое событие в Мюнхене фактически описывается Спилбергом как мини-Холокост, который «как бы» дает моральное право Израилю ответить террором на террор, без доказательств чьей-либо вины, следствия и суда. Волей-неволей Спилберг склоняется в пользу оправдания «ответного террора» Израиля. «Ангелами контр-террора» оказывается хорошие парни из Моссад, в то время как «демонами зла» – палестинские экстремисты.

Но не все так просто. Как оказывается приставка «контр-» не делает террористов кем то иным. Сама практика выслеживания и уничтожения идеологов «Черного Сентября», которой посвящено почти все экранное время фильма, показывает отсутствие какой-либо нравственной противоположности между группой ангелов-мстителей из израильской разведки Моссад и палестинскими террористами. Гуманистическая современность трактует человеческую жизнь как высшую ценность. Поэтому с позиций современности правых и виноватых террористов не существует. Рассудит ли их будущее, когда современность станет историей? Может быть. Ясно лишь одно: когда люди готовы отдать жизнь за свои убеждения, аксиомы нашей современности перестают действовать. В практике террора человек не цель, но средство для сверхценных человеку целей. Поэтому террористы как нарушители негласной конвенции современности приобретают дьявольскую эффективность в сравнении со своими противниками, скованными гуманистической моралью, судами, законами и т.п.

Более того, исторически реализация прав и свобод угнетенного, бесправного человека часто осуществлялась с помощью насилия, будь то восстание рабов под руководством Спартака в Древнем Риме, крестьянские бунты за отмену

крепостного права в России, освобождение рабов в ходе гражданской войны в США и т.п. Но это насилие имело нравственную легитимность и историческое оправдание, так как восставляло для значительной части населения всеобщие основы человеческих прав и свобод. В XVIII веке восстание североамериканских колоний против Британской империи могло потерпеть неудачу, и отцы-основатели США были бы казнены как обыкновенные экстремисты. По иному могла повернуться история и оценки ее ключевых субъектов в случае удачи российских декабристов или провала большевистской революции.

С другой стороны, суть современного терроризма заключена в насилии, которое ставит интересы тех или иных групп выше общечеловеческих прав и свобод. Истина, ведущая террористов «в бой», распространяется только на собственную корпорацию, этнос, конфессию, класс, которые противопоставляют остальному человечеству. И эта истина заведомо неуниверсальна, в сравнении, например, с десятью христианскими заповедями.

«Мюнхен» еще раз демонстрирует, что средства террора как «оружия слабых» фактически перечеркивают оправдание каких угодно возвышенных целей, будь то возмездие государства Израиль или борьба палестинцев за национальное государство. В итоге сам терроризм, какими бы благими целями он не прикрывался, становится безусловным злом. Согласно фильму, который отражает документальные события, ответные меры Моссад порождают новый виток террора со стороны «Черного сентября». Эскалация террора ведет к гибели десятков новых жертв. Из пяти членов контр-террористического отряда Моссад в итоге погибают трое, из «черного списка» 11 идеологов-террористов уничтожено 9. Но в итоге оказывается, что террор ответным террором не излечивает, ведя лишь к умножению зла и гибели неповинных людей.

Главному герою фильма – командиру отряда мщения Моссад Авнеру Кауфману – остается лишь констатировать в конце фильма, что на место одного уничтоженного боевика приходят шесть новых, движимых чувством мести. Очевидно, что альтернатива террору может

быть лишь совершенно иной. Но какой? На этот вопрос ответа не дается. Однако в ходе фильма становится ясно, что отмщение не может стать на нравственный уровень закона, а террор без суда и следствия – являться справедливой практикой возмездия. Кроме того, сам по себе террор может быть не более, чем доходным бизнесом, который будет существовать пока есть соответствующий запрос. Собственно этим и занят разочарованный во всех идеология бывший участник французского «сопротивления», чей бизнес заключается в продаже «наводок» как на террористов, так и на тех, кто с ними борется.

Впрочем, можно ли дать окончательные ответы на извечные вопросы? Причем так, чтобы эти ответы в то же время не оказались прописными истинами? Скорее всего, нет. Ибо насилие порождает насилие – такова нехитрая мораль Спилберга. Но если рассматривать «Мюнхен» как попытку осмыслить проблему террора с разных сторон, а не решить ее, то она Спилбергу, безусловно, удалась.

И все-таки, можно ли совместить современную концепцию прав и свобод человека с практикой терроризма? Теоретически такое возможно лишь в одном случае – если эта практика добровольно обращена террористом на самого себя. Например, публичный отказ от тех или иных гражданских прав и свобод, голодовка или даже самоуничтожение в знак протеста действительно могут быть экстремальной практикой привлечения общественного внимания к политическим проблемам. Реализацией законного права человека поступать плохо не в ущерб другим. И степень «глухоты» власти к манифестациям существующих в обществе несправедливостей здесь напрямую связана с уровнем терроризма.

Террор как утопия, оправдывающая насилие?

Действие политического комикса «*V* значит вендетта» (2006) спродюсированного создателями «Матрицы» братьями Вачовски разворачивается в альтернативном настоящем. Германия выигрывает Вторую мировую войну, а Великобритания становится одной из про-

винций Третьего рейха. Оплотом демократии и свободы остается США, но их одолевают внутренние проблемы. В Великобритании правит канцлер с неограниченными полномочиями, лидер гитлеровского толка. Как часто случается (со времен античных полисов) харизматичный тиран пришел к власти путем демократических выборов.

После этого английская демократия постепенно начала куда-то исчезать: люди не верят теленовостям, вводится комендантский час, начинаются аресты инакомыслящих и сексуальных меньшинств и т.д. И как обычно бывает в комиксах, тирану способен противостоять лишь неуязвимый герой-одиночка. Причем герой предстает не просто в бандитском чулке, а в вычурной исторической маске Гая Фокса, героя Порохового заговора – террориста пытавшегося взорвать английский парламент вместе с королем и парламентариями 5 ноября 1605 г. Кстати, избавление монарха Якова I и его семьи от печальной участи до сих пор является в Великобритании одним из национальных праздников.

Вообще удивляет насколько в англосаксонских странах – Великобритании и США популярны легенды о героях-одиночках, будь то Робин Гуд, Супермен или Человек-паук, способных восстановить глобальную справедливость. Здесь государство с его законами и институтами отходит на второй план, уступая место исконно-посконной справедливости, за которую хорошие парни сражаются с плохими. Плохие – естественно, властолюбивые политики, хорошие – ошибавшиеся избиратели, исправляющие свои ошибки методом прямого действия. Действительно, исторически сложилось так, что такие географически изолированные государства как США и Великобритания, не имеющие границ с потенциально опасными соперниками, могут позволить себе роскошь минимального государства. Причем сквозь призму уникального «островного» политического менталитета государство с функциями «больше минимальных» автоматически превращается в глазах англосаксов в тоталитарное.

Этот парадокс легко разрешим, если учесть отсутствие у англичан и американцев исторического опыта континентальной державы, обре-

ченной во имя собственного выживания иметь регулярную сухопутную армию и постоянно находится в состоянии готовности к вооруженному отпору. Вы представляете Великобританию со своим традиционным государством как «ночным сторожем» способную выжить в 17-20 веках без регулярной сухопутной армии в центре Европы? Я лично – нет. Отсюда кстати крайняя неубедительность попыток авторов фильма показать «тоталитарную» английскую действительность, почерпнутую в основном в романах Солженицына и Оруэлла. Начиная с пыток в камере-одиночке, которым подвергается главная героиня. (Позже оказывается, что это было всего лишь проверкой на стойкость). Продолжая опытами над людьми, почерпнутыми из нацистской хроники. Заканчивая контролируемой властью теленовостями и СМИ, которым английские обыватели почему-то «интуитивно не верят».

В качестве своего кредо герой-одиночка «V» произносит ключевую фразу: *«Народу нужны не мертвые символы, а надежда»*. Главным мертвым символом предстает здание английского парламента, которое давно перестало быть средоточием народного интереса. Поэтому главный герой хочет взорвать символ мертвой демократии, о чем объявляет за год до готовящегося взрыва, проникнув в прямой эфир национального телевидения. Впрочем, россияне, пережившие танковый расстрел парламента Президентом РФ Б. Ельциным в 1993 году, «смелый» поворот авторского замысла вряд ли шокирует.

Здания превращаются в мертвые символы, поскольку живо лишь то, за что люди готовы умереть. То есть идеалы, которые люди носят в себе, иногда забывая, иногда предавая их, иногда переоткрывая вновь. Естественно, народ в едином порыве выходит в «час X» на улицы, вспомнив славные демократические традиции. Люди вновь готовы умереть за надежду, то есть за *«иное будущее»*. В результате армия братается с народом. Тиран повержен. Правда будет ли восстановлена демократия или начнется анархия и погромы? Эта проблема остается за кадром финальных титров. Тем не менее, хрестоматийное право народа свергнуть тирана реализовано в конце фильма во всей красе

современных спецэффектов.

Финальная мораль фильма: одиночка-террорист, взрывающий парламент под гимн российской империи «Боже царя храни!» из увертюры Петра Чайковского «1812 год», тоже может быть прав. Особенно если опирается на молчаливое одобрение народа. В отличие от демократически избранных тиранов. Согласно логике авторов фильма, помимо нищееанской воли сверхлюдей к власти существует и противоположная воля народа к демократии. Кстати, прообразом канцлера-тирана у автора комиксов Алана Мура, по мотивам которых и был снят фильм, в 80-е годы 20 века выступала Маргарет Тэтчер. Такие вот у англичан ассоциации с тоталитаризмом!

Финал фильма смотрится как диссидентский и еретический, если рассматривать его как иносказательное повествование о современной западной действительности. Поскольку взрывы Биг-Бена и здания парламента, «оживившие» в итоге английскую демократию, навевают прямые ассоциации с взрывом нью-йоркских башен-близнецов. Остается лишь надеяться, что радикалы и экстремисты не воспримут фильм как руководство к действию. Ведь в политической практике – сколько партий, столько и идей демократии.

Объективная невыполнимость декларируемых целей, явная недостаточность возможностей экстремистов в отношении декларируемых ими целей приводит к героизации и эстетизации самого насилия. С психологических позиций исключенность экстремистов из общества предполагает компенсацию в виде «исключительности» исповедуемого политического учения, нетерпимость к «иному», ультимативный и де-факто невыполнимый характер политических требований. Это, согласно Н. Луману, типичная стратегия провоцирующего детского поведения по отношению к взрослым. Власть, генетически вырастая из насилия, строится затем именно на его исключении и недопущении как на неприемлемой альтернативе. Поэтому необходимость государства прибегать к насилию дискредитирует власть: «Провокация является вызовом для властителя, требующим от него демонстрации или даже реализации своих альтернатив избежания, что приводит к

разрушению его власти им же самим».¹ Поэтому реакции государства в виде ужесточения законов и правоприменительной практики является прямым успехом экстремистов, так как неизбежно ведет к негативной реакции СМИ и всех значимых общественно-политических сил, которые в свою очередь тем или иным образом попадают под действие данных ужесточений и даже часто начинают классифицироваться именно как экстремистские.

Что делать или умножение зла добром.

Представляется, что борьба государства с экстремизмом, его профилактика, предупреждение и законодательное регулирование неизбежно порождают экстремизм, также как борьба с энтропией способствует ее увеличению. Вопреки утверждениям политиков и чиновников некоторые феномены, такие как терроризм, вообще не поддаются регулированию, это лишь иллюзия, рассчитанная на обывателей – полной безопасности не может быть нигде, никогда и ни для кого. Поэтому некоторые маловероятные опасности можно лишь не замечать и игнорировать. Жертвой политического экстремизма российский гражданин может стать с вероятностью примерно в 1000 раз меньшей, чем жертвой автокатастрофы или преступления на бытовой почве. Однако на этом основании почему-то в российском обществе не наблюдается активных общественных движений и публикаций, ратующих за запрет автомобилей, самолетов или кухонных ножей. С экстремизмом, несмотря на статистическую малость его реальных жертв, ситуация противоположная, культурный интерес к нему несоизмерим с реальной опасностью.

Широкая популяризация в массовом искусстве темы борьбы с экстремизмом не добавляет в нее эффективности, а назойливые призывы из всех динамиков к гражданам следить за подозрительными вещами и лицами лишь порождает массовый стресс: «В Америке было 4 захвата самолетов 11-го сентября. Однако в первой половине 70-х годов в Европе, в странах Азии и в Соединенных Штатах Америки среднее количество инцидентов по захвату самолетов составляло 15-18 раз в квартал. При таких

масштабах какая бы истерия существовала сегодня!».²

Любое упоминание является рекламой «проклятой стороны вещей», а те или иные популистские инициативы государства по свежим событиям или массированное освещение СМИ лишь выступают детонаторами нежелательных явлений, многократно мулсируя преступления, где, например, преступнику и жертве довелось быть представителями разных этносов или вероисповеданий. Представляется, что попадание экстремизма в сферу приоритетов официальных СМИ обусловлено использованием этой темы для достижения дополнительных целей, связанных с легитимацией власти или канализацией общественного мнения с реальных проблем на выгодные для политического режима объекты, для чего обычные националисты переименовываются в ксенофобов и расистов, а хулиганы и футбольные болельщики, спешно классифицируются как скинхеды.

Проблема в том, что государство не может эффективно бороться с теми, кто готов умереть во имя неких экстремистских с официальных позиций целей. И люди готовые умереть за новые цели, за изменения, за надежду, за «иное будущее» не могут быть предупреждены или перевоспитаны, поскольку они выходят за грань тех оснований законов и морали, которые действуют в современных обществах, рассматривающих позиции гуманизма человеческую жизнь как высшую ценность. Ясно лишь одно: когда люди готовы отдать жизнь за свои убеждения, аксиомы всей нашей современности перестают действовать. И вопреки всей суммарной гражданской и государственной «бдительности» они сделают то, что намерены сделать. И чисто эстетически данная позиция смотрится выигрышной и убедительней тех, кто действует от имени государства. Поэтому террористы как нарушители негласной конвенции гуманистической современности приобретают воистину дьявольскую эффективность в технотронном обществе в сравнении со своими противниками, скованными гуманистической моралью, судами, законами и т.п.

Но не все так просто, поскольку приставка «контр-» к борцам с террористами не дает им автоматически морального права быть выше, если они пользуются теми же и даже более изощренными методами. Экстремистские средства как «оружие слабых» фактически нейтрализуют оправдание каких угодно возвышенных целей экстремистского политического субъекта, будь то борьба с бесчеловечным политическим режимом, колониальное освобождение, протест против военного присутствия или создание национального государства. Поэтому контр-экстремизм, какими бы благими целями он не прикрывался, тоже является безусловным злом. Экстремизм ответным государственным террором не излечивает, ведя лишь к *умножению зла*. История показывает, что экстремизм нельзя уничтожить аналогичными средствами. Очевидно, что альтернатива террору может быть лишь совершенно иной. Отмщение не может стать на нравственный уровень закона и являться справедливой практикой возмездия.

И все-таки, можно ли на уровне морали совместить доминирующую в современности правовую концепцию естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека с практикой экстремизма? Теоретически такое возможно лишь в одном случае - если эта практика добровольно обращена экстремистом на самого себя. Например, публичный отказ от тех или иных гражданских прав и свобод, забастовка, голодовка или даже самоуничтожение в знак протеста действительно могут быть экстремальной практикой привлечения общественного внимания к политическим проблемам. Реализацией законного права человека распорядиться своей жизнью, поступать плохо не в ущерб другим. И степень «глухоты» власти к подобным манифестациям существующих в обществе несправедливостей здесь напрямую связана с уровнем ее легитимности.

1. Луман Н. Власть. М., 2001. с. 183.
2. Почему Россия – не Ирак? (интервью с В. Иноземцевым) // Top-Manager. № 8(74), сентябрь 2007.